

А. П. ЕВГЕНЬЕВА

НОВЫЕ ЗАДАЧИ ИЗУЧЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА В СВЯЗИ С ДИАЛЕКТОЛОГИЕЙ

Публикация Я. В. Зверевой

Изучение фольклора в региональном аспекте ведется уже давно. Многочисленные исследования произведений устного творчества доказали прямую зависимость языковой специфики фольклорного текста от места его бытования. В последнее время в русле лингвофольклористики активно развивается новая научная дисциплина «фольклорная диалектология», предметом изучения которой являются территориальные особенности лексики языка русского фольклора. Весомый вклад в изучение региональной специфики устно-поэтического текста внесли труды Н. И. Толстого, К. В. Чистова, В. М. Жирмунского, Б. Н. Путилова, Ю. А. Новикова и многих других. В середине XX в. к проблемам регионального изучения языка фольклора обращалась также Анастасия Петровна Евгеньева.¹

Практически сразу после успешной защиты кандидатской диссертации² А. П. Евгеньева была эвакуирована из Ленинграда в Киров, а затем в Яранск, где с сентября 1941 до августа 1943 г. работала доцентом кафедры русского языка Кировского педагогического института им. В. И. Ленина. В 1942—1943 гг. кафедре

¹ Евгеньева Анастасия Петровна (1899—1985) — известный лексикограф, диалектолог, исследователь языка фольклора.

² 22 июня 1941 г. в Государственном педагогическом институте им. А. И. Герцена состоялась защита кандидатской диссертации «Язык былин в записях XVII в.». Оппонентами выступили Н. П. Гринкова и Н. П. Андреев.

русского языка возглавлял ее университетский учитель, руководитель кандидатской диссертации, Б. А. Ларин,³ также оказавшийся в эвакуации.

С 1941 г. сотрудники кафедры хотели начать работу по собиранию диалектных материалов для составления Диалектологического атласа Кировской области, в августе планировалась экспедиция в Халтуринский и Котельничский районы. Б. А. Ларин и А. П. Евгеньева, уже имевшие большой опыт работы над Диалектологическим атласом русского языка,⁴ должны были присоединиться к ним, однако в сложных условиях военного времени, а главное — изолированности города — начинать эту работу не представлялось возможным.⁵

А. П. Евгеньева решила использовать положение города⁶ и провести диалектологическую экспедицию по «изучению говоров Яранского района и шире — старого Яранского уезда с точки зрения исторического их сложения».⁷ Подготовка к экспедиции была самой серьезной: А. П. Евгеньева вела диалектологический кружок, на занятиях которого изучались работы Д. К. Зеленина,⁸

³ Ларин Борис Александрович (1893—1964) — российский и украинский лингвист, член-корреспондент АН УССР (1945), академик АН Литовской ССР (1949), специалист по славянской диалектологии, русской исторической лексикологии и лексикографии, украинскому, литовскому языкам и санскриту, переводчик с литовского, один из руководителей работы над Диалектологическим атласом русского языка и Древне-русским словарем.

⁴ В 1935 г. сотрудники кабинета Русской диалектологии (Ф. П. Филин, руководитель, В. М. Жирмунский, Б. А. Ларин и др.) Института языка и мышления им. академика Н. Я. Марра начали работу над Атласом русского языка: был составлен вопросник для собирания диалектологического материала, в 1936—1939 гг. были проведены экспедиции в Архангельскую, Вологодскую, Новгородскую, Псковскую области и в Карельскую АССР. См.: Лингвистический атлас района озера Селигер / Сост. М. Д. Мальцев, Ф. П. Филин. М.; Л., 1949.

⁵ См.: «Отчет о работе по диалектологии в Кировском пединституте им. В. И. Ленина за годы 1942-й и 1943-й доцента А. П. Евгеньевой» (Рукописный отдел Института лингвистических исследований (Пушкинский Дом) РАН (далее — РО ИРЛИ), р. V, ф. 283). Поскольку научно-техническая обработка фонда А. П. Евгеньевой еще не завершена, здесь и далее ссылки даются только на номер фонда.

⁶ Яранск — районный центр Кировской области, находящийся далеко от водных и железнодорожных путей сообщения (140 км от Котельнича, 85 км от Йошкар-Олы).

⁷ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

⁸ Зеленин Д. К. 1) Особенности в говоре русских крестьян юго-восточной части Вятской губернии // Живая старина. 1901. Вып. 1. С. 81—86; 2) Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913; 3) Великорусские сказки Вятской губернии : Сборник Д. К. Зеленина // Записки Рус. геогр. общ-ва, 1915. Т. 62.

М. А. Колосова,⁹ В. Магницкого,¹⁰ А. Васнецова,¹¹ студенты работали в Яранском краеведческом музее, беседовали со старожилами города. Чем больше А. П. Евгеньева изучала историю края, тем больше ее интересовали не диалекты, а фольклор. Среди подготовительных материалов экспедиции больше конспектов и заметок по народной словесности, чем о языке Яранского района.

В 1942 и 1943 гг. состоялись две «комбинированные фольклорно-лингвистические» студенческие экспедиции, целью которых стало целостное обследование выбранного региона: параллельная запись фольклорного и диалектологического материала от одних и тех же исполнителей. Попутно изучался также и тип постройки домов. Работа велась в населенных пунктах Барановского и Ломовского сельсоветов Яранского района Кировской области. Отметим, что недостаток знаний по этнографии не позволил сделать это исследование по-настоящему комплексным. На февраль 1944 г. была намечена третья экспедиция в Рождественский сельсовет, но она не состоялась, поскольку А. П. Евгеньева переехала в Казань для поступления в докторантуру Института литературы.¹²

В ходе экспедиций было записано всего десять анкет для Диалектологического атласа Кировской области, но зато был велик объем фольклорного материала: собиратели зафиксировали яркие образцы сказок, песен, частушек. Как отмечала А. П. Евгеньева, результаты экспедиций были высоко оценены Б. А. Лариным. Собранные материалы использовались им в одном из докладов, вероятнее всего в лекции «Что дают яранские говоры для истории русского языка»,¹³ в которой автор, вопреки установке ватстей на возвеличивание всего национально-русского, показал татарское, марийское, удмуртское влияние на язык русских жителей края.

Развивая идеи Б. А. Ларина о необходимости использования фольклора в качестве материала для исследований по диалекто-

⁹ Колосов М. А. Заметки о языке и народной поэзии в области Северно-великорусского наречия // Сборник Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН; СПб., 1877. Т. 17, № 3.

¹⁰ Магницкий В. Особенности русского говора в Уржумском уезде Вятской губернии. Казань, 1885.

¹¹ Песни северо-восточной России : Песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вятской губ. М., 1894.

¹² В 1943—1947 гг. А. П. Евгеньева была докторантом Отдела древнерусской литературы и работала над темой «„Сборник Кирши Данилова“ (вопросы истории языка и стиля русского фольклора XVII—XVIII вв.)» под руководством В. П. Адриановой-Перетц.

¹³ Доклад опубликован. См. о нем: Долгушев В. Г. Собиратели вятских слов : Пособие по курсу «Лингвистическое краеведение». Киров, 2009. С. 48.

логии и опираясь на опыт предшественников, она в 1940-х гг. вновь обращается к популярной в 1920-е гг. идее о комплексном исследовании языка и различных явлений народной культуры. Известно, что ее учитель Б. А. Ларин, в круг научных интересов которого также входил фольклор, активно поддерживал эту работу. В письме мужу, Леониду Михайловичу Евгеньеву, написанном 19 марта 1943 г. после возвращения из экспедиции, А. П. Евгеньева пишет: «Меня занимает только работа. Б. А. [Ларин] говорит, что я сделала очень много, что это войдет в науку и надолго и серьезно изменит в ней многое».¹⁴

В отличие от Д. К. Зеленина и Н. П. Гринковой, понимавших комплексность исследования как синтез диалектологии, фольклора и этнографии, А. П. Евгеньева, в русле господствовавших в те годы воззрений на фольклор как на словесное искусство народа, в своих исследованиях на первое место выводит историко-филологическую и историко-литературную сторону. В самом подходе к изучению языка фольклора А. П. Евгеньева была прежде всего историком в самом широком смысле слова: явления традиционной культуры и языка рассматривались ею в неразрывной связи с политической, экономической и культурной жизнью нации.

Исследования многих предшественников, работавших в этом же направлении, в основном, оставались на положении первоначального накопления и добросовестного описания материала, в целом без обобщения опыта. А. П. Евгеньева попыталась дать серьезное научное обоснование целесообразности комплексного подхода к собиранию, картографированию, а также изучению диалектного и фольклорного материала. Экспедиции 1942, 1943 гг. были весьма успешными, однако попытка провести комплексные фольклорно-диалектологические экспедиции в Псковскую область со студентами Ленинградского государственного университета в 1945—1947 гг. успеха не имела: объем записанного фольклорного материала оказался ничтожно мал. Сама идея не имела поддержки ни со стороны руководства кафедры, ни со стороны самих студентов, что вполне объяснимо: ведение параллельных записей (фольклора и разговорной речи) от одного исполнителя, на чем так настаивала А. П. Евгеньева, неизбежно привело бы к многочисленным лакунам, «белым пятнам» на карте. Для создания комплексного фольклорно-диалектологического атласа потребовались бы годы серьезной работы и большое число сотрудников, одинаково хорошо знающих и фольклор, и диалекты. Серьезные специалисты в этих областях знаний в 1940—1950-е гг. не проявляли интереса к подобным работам. Даже В. М. Жирмунский, внесший немалый вклад в развитие лингвистической географии, с большим интересом следивший за этнографическими и фольк-

¹⁴ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

лорными атласами, в 1958 г., отвечая на вопросы по литературоведению для IV Международного съезда славистов, писал об ограниченности перспектив подобного рода изданий. «Что касается произведений устной народной словесности, в особенности песни, отчасти и сказки, то они отличаются, по-видимому, гораздо большей подвижностью, чем язык, и распространяются не только от одного географического пункта к соседнему, но преодолевают большие пространства вместе с передвижением своих носителей, что вносит элемент случайности в картину, отраженную на карте».¹⁵ План комплексного изучения и собирания фольклорного и диалектного материала, предложенный А. П. Евгеньевой, нуждался в более детальной разработке, что отметила А. М. Астахова во время обсуждения доклада «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией», прочитанного на одном из заседаний Отдела фольклора народов СССР Института литературы (Пушкинский Дом). В комментарии к тексту доклада содержится запись: «Анна Мих<айловна Астахова>: „Только общие положения, нет конкретных путей. Каким образом изучать систему языка фольклора в связи с диалектологией“».¹⁶

Ареальные исследования более позднего времени, например, работа над Полесским этнолингвистическим атласом,¹⁷ доказали большую целесообразность сближения диалектологии с этнографией, тем не менее работа, проделанная в середине XX в. А. П. Евгеньевой, является интересной с точки зрения развития фольклористики и содержит важные методологические соображения ученого, имеющего большой опыт работы в области смежных наук — фольклористики и диалектологии.

Наиболее четко воззрения А. П. Евгеньевой представлены в неопубликованном докладе «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией».¹⁸ Доклад был прочитан на Научной сессии Историко-филологического факультета Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, проходившей 22—24 апреля 1944 г. В работе четырех секций: лингвистической, литературоведческой, исторической и педа-

¹⁵ Цит. по: *Десницкая А. В.* Вопросы социально-географического изучения явлений языка, этнографии, фольклора в работах В. М. Жирмунского // Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. М., 1974. С. 15.

¹⁶ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283 (Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией).

¹⁷ *Толстая С. М., Толстой Н. И.* О задачах этнолингвистического изучения Полесья // Полесский этнолингвистический сборник : Материалы и исследования. М., 1983. С. 14—15; Материалы к Полесскому этнографическому атласу: Опыт картографирования // Славянский и балканский фольклор. Духовная культура Полесья на общеславянском фоне. М., 1986. С. 3—44 и др.

¹⁸ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283.

гогической — прозвучало 29 докладов, среди авторов которых такие видные ученые как В. П. Адрианова-Перетц, И. И. Толстой, Д. С. Лихачев.

Доклад и написанная по его материалам статья носили программный характер: одна из целей А. П. Евгеньевой заключалась в организации комплексных фольклорно-диалектологических экспедиций в разные районы СССР для сбора сведений для фольклорно-диалектологического атласа, поэтому его название корреспондирует со статьей Ю. М. Соколова «Очередные задачи изучения русского фольклора».¹⁹

В работе А. П. Евгеньевой очерчен круг проблем изучения и собирания фольклора, среди которых не только и не столько лингвистические, но и фольклористические: проблема определения понятия «варианта», вопрос о территориальных границах диалектов и различных явлений традиционной культуры. А. П. Евгеньева показала неэффективность методики изоглосс²⁰ при изучении языка фольклора и в определении путей распространения различных явлений фольклора. Также в статье она касается вопроса о соотношении языка фольклора и литературного языка, фольклора и диалекта. На этом этапе своих исследований А. П. Евгеньева предполагала, что соотношение языка фольклора и диалекта будет различным в зависимости от жанра произведения, региона его бытования и времени записи.

Примечательно, что представители курской лингвофольклористической школы считают, что язык фольклора имеет двуслойную структуру. Первый слой — набор слов и формул, образующих основу текста, второй — все остальные слова, включенные в фольклорное произведение. «Первый слой внешне един и именно он породил мнение о наддиалектности всей устно-поэтической речи, второй слой заметно дифференцирован и постоянно вызывает мысль о его диалектной дифференциации».²¹ Сосредоточившись на изучении языка фольклора в диахронии, А. П. Евгеньева отказалась от вариативности в пользу диалектной основы языка фольклора.

¹⁹ Соколов Ю. М. Очередные задачи изучения русского фольклора // Художественный фольклор. Орган фольклорной подсекции литературной секции ГАХН (Гос. академия худож. наук). М., 1926. Вып. 1.

²⁰ Изоглосса — важнейшее понятие ареальной лингвистики, условная линия, ограничивающая зону распространения одного диалектного явления от другого. Каждая диалектная особенность имеет свою зону распространения, не вполне совпадающую с зоной других диалектных особенностей, поэтому диалектолог, как правило, имеет дело не столько с «границами диалектов», сколько с границами отдельных диалектных явлений — изоглоссами.

²¹ Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику : Учебное пособие. М., 2010. С. 13.

Среди материалов личного архива А. П. Евгеньевой сохранилось четыре варианта статьи (один из них озаглавлен «Новые задачи собирания и изучения фольклора в связи с диалектологией»), два варианта тезисов, доклад и авторский комментарий «Несколько замечаний по поводу темы доклада», а также разрозненные листы из разных редакций и обзор фольклорных материалов, собранных в ходе экспедиций 1942—1943 гг. Варианты различаются степенью разработанности отдельных ключевых положений и, как можно предположить, написаны с учетом интересов разных аудиторий — лингвистической и фольклористической. Все редакции — автографы со множественными сокращениями слов и авторскими правками. Наиболее ранний датируется 1944 г., остальные создавались не позднее 1945 г.

В данную публикацию также помещен текст еще не изданного доклада А. П. Евгеньевой «Диалект или народно-поэтическое *κοινή*»,²² созданного как дополнение и уточнение позиции, представленной в монографии «Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.».²³ Скорее всего, работа написана около 1968 г. и завершает важнейший этап в научной биографии ученого: этап комплексного изучения языка фольклора.

Из всех вариантов доклада «Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией», условно обозначенных литерами А, В, С, D, были выбраны наиболее полные варианты: А²⁴ и фрагмент варианта В. За основным текстом следует комментарий автора «Несколько замечаний по поводу темы доклада».

Текст доклада «Диалект или народно-поэтическое *κοινή*» приводится по единственному варианту.

Тексты работ А. П. Евгеньевой даны с незначительными сокращениями. При воспроизведении текстов статей сохранены все авторские выделения; сокращения и недописанные части слов раскрыты в угловых скобках, восстановленные слова — в квадратных скобках. Пунктуация подлинника приведена в соответствии с современными нормами. Все сноски даны публикатором, цитаты сверены, ко всем фамилиям приведены инициалы.

²² РО ИРЛИ, р. V, ф. 283. *Κοινή* (койне) — функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков. В данной публикации род термина «койне» заменен на средний в соответствии с современными нормами.

²³ *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

²⁴ РО ИРЛИ, р. V, ф. 283, л. 7—21 (Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией).

Новые задачи изучения фольклора в связи с диалектологией²⁵

Понятие языка, русского или какого-либо другого, чрезвычайно широко по своему объему. Необычайно многообразны и точки зрения, и ракурсы, с которыми подходит наука к языку, используя ту или иную его сторону, в зависимости от поставленных задач, и тем не менее не только не охвачено все многообразие материала, но нет четкости в соотношении отдельных изучаемых областей и методов их научной разработки, нет также четкого представления об объеме и содержании конкретного, живого материала, образующего изученную область.

В плане синхронного изучения языка больше всего собрано материала и разработаны области письменного литературного языка и территориальных диалектов (я отнюдь не хочу сказать, что сделано уже достаточно в этих областях — собственно сделано и собрано еще очень мало), и области эти наиболее полярные. Другие же стороны языка: профессиональные диалекты, язык города, разговорный язык — в отличие от письменного, почти совсем не изучались, и материал по ним накоплен очень незначительный.

Но есть одна область языка, которая оказалась вне изучения как самостоятельное целое, хотя широко использовалась учеными и продолжает использоваться, но только в отдельных своих фактах, а не как нечто целое и только в качестве подсобного иллюстративного материала или недостающих звеньев при построении истории языка «в его целом». Ясно, что для истории фольклора язык как система имеет такое же огромное значение, как для истории литературного языка. Я имею в виду язык фольклора. Это один из самых [сложных] вопросов в нашей науке, и история его представляет большой интерес.

Почти все крупные европейские и русские лингвисты первой половины третьей четверти XIX в. были одновременно и фольклористами. Достаточно назвать имена бр<атьев> Гриммов, М. Мюллера, Т. Бенфея, Ф. И. Буслаева, А. А. Потебни.

Для одних фольклор служил доказательством реальности теории праязыка, другие обращались к нему, как к сокровищнице, из которой черпался материал для истории языка, для истории родственных языков и т. д.

И, тем не менее, специально языком фольклора никто не занимался. Но чем тверже становилась фольклористика на ноги как самостоятельная наука, тем дальше отодвигались в ней вопросы языка. <...>

Для лингвистов же, в связи с развитием младо-грамматического направления, интерес к фольклору совсем угас. Но во вто-

²⁵ В авторском тексте название зачеркнуто.

рой половине XIX в. растет интерес к диалектологии, которая становится наконец самостоятельной областью изучения. В связи с этим неизбежно должен был стать вопрос и о фольклоре, поскольку носители [знали и фольклор]... Первоначально фольклорный материал привлекается довольно широко диалектологами, но уже в 1890—1900-е гг. и чем дальше, тем определеннее он исключается из поля внимания диалектолога как ненадежный в силу специфики своей природы и истории. Это обусловлено тенденцией отграничить отдельные области, определить материал, входящий в них. В результате диалектолог оперирует только материалом живого разговорного бытового языка, а ученый, занимающийся [только] современным литературным языком — только языком письменной художественной литературы. Это действительно особые области, но кроме них есть еще и другие. Сопоставление их только тогда будет законным и возможным, когда будут восстановлены недостающие звенья: разговорный бытовой язык людей, владеющих литературной речью и язык устной художественной литературы, которой владеют говорящие на том или ином диалекте. (До сих пор у нас есть сопоставления только по линии фонетики-орфоэпии и морфологии, синтаксис и даже лексика (принципы использования) совершенно выпадают.)

Но о языке фольклора есть некоторые суждения и мнения. На основе истории изучения фольклора в течение XIX—XX вв., той роли, которую он играл в работах ученых — и лингвистов и фольклористов, а также на основании более широких гипотез, которые были приняты в нашей науке, сложились эти суждения и положения о языке фольклора. [Они] являются общепринятыми и до настоящего времени, хотя большая часть гипотез, послуживших основанием для них, давно отвергнута наукой. Оставить в стороне Н. Я. Марра, т<ак> к<ак> это совсем другое: содержание фольклорного произведения, кот<орое> изложено современным языком, но содержащим древние элементы [плюс] палеонтология речи — это совсем «особая статья».

Основное из этих положений — утверждение «общего», наддиалектного фольклорного языка. Но самоочевидность диалектных элементов в записях произведений фольклора заставляет исследователей оговариваться, и фольклористы (потому, что они не могут обойти молчанием язык изучаемых произведений) говорят о том, что произведения фольклора «воспринимают диалектические особенности личности», что они «одеты в простонародную форму речи», но при анализе языка «область диалектологии, разумеется, должна быть оставлена в стороне, т<ак> к<ак> она будет характеризовать данную запись, а не произведение».²⁶

²⁶ Сперанский М. Н. Русская устная народная словесность. М., 1917. С. 150—151.

Что же входит в данном случае в «область диалектологии»? Фонетика? Морфология? Синтаксис? Лексика? Ведь речь идет не о теме и идее произведения, а о его языке.

Второе положение, сохраняющее свою силу до настоящего времени, заключается в утверждении архаичности языка традиционных жанров фольклора: обрядовой поэзии, былин и т. д. Но здесь уже совсем нет ясности — что понимать под этой архаичностью, какова степень этой архаичности.

В последние годы вопрос о языке фольклора поставлен самой жизнью с необычайной остротой, но, тем не менее, нет работ, отвечающих на этот запрос.

Стало трюизмом положение о том, что все крупнейшие, великие писатели земли русской обращались к устному творчеству народа и черпали оттуда не только идеи, художественные приемы и образы <...>. Но никто до сих пор не сказал, что для А. С. Пушкина язык фольклора служил несколько иным целям, нежели для М. Горького, и что в их использовании фольклорного материала большая разница, обусловленная историей развития литературного языка на протяжении почти столетия.

Об использовании фольклора писателями XIX—XX вв. написано много и литературоведами, и фольклористами (М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Б. М. и Ю. М. Соколовы, Н. К. Пиксанов, А. Л. Дымшиц и т. д.) и даже лингвистами, но эти работы ограничиваются фиксацией отдельных фольклорных элементов и комментариями к ним. Основной же вопрос о принципиальном отношении устной и письменной литературы в языке, об историческом ее отношении по-прежнему не только не решен, но и не затронут даже. <...>

Едва ли можно сомневаться в том, что язык фольклора представляет собой совершенно самостоятельную и специфическую область в нашей науке о русском языке, что надо заниматься изучением его как определенной системы, обусловленной спецификой жизни устной художественной литературы, отличной как от системы письменной художественной литературы, так и того разговорного, бытового языка, т. е. диалекта, в области которого живут устные произведения. И что, наконец, нужно историческое изучение этой системы, как нужно и историческое изучение системы письменного языка и отдельных диалектов.

Работы А. А. Потебни и А. Н. Веселовского, намечавшие и открывавшие пути изучения языка фольклора, по существу забыты, оставлены, а многие их положения упрощены и вульгаризированы.

А. Н. Веселовский в третьей главе «Исторической поэтики»²⁷ в общих чертах наметил вопрос о языке фольклора. Он говорит

²⁷ *Веселовский А. Н.* Три главы из исторической поэтики // Историческая поэтика. Л., 1940.

об образовании народно-поэтического *koivŋ* и об отношении его к диалектам.

Останавливаясь на том, что западная народная песня балладного типа поется не на диалектах, а на языке «повышенного типа», близком к литературному (во Франции, Германии, Норвегии и в Литве), а язык сказок ярко окрашен диалектными чертами, А. Н. Веселовский объясняет это спецификой отдельных жанров и их историей, а также особыми условиями жизни и исторического развития различных районов страны.

«Оказывается, что в областях, отдаленных от большой исторической дороги, либо живших когда-то самостоятельною политической жизнью, в песне господствуют местные диалекты: так в Дитмарше, у семиградских немцев, в немецких же поселениях, включенных в иноязычную среду, например в [Кулэнджен], в Италии, Провансе, Гаскони. Иначе в средней Германии и на Рейне: здесь уже с XV в. происходило песенное общение между отдельными областями, и диалекты настолько сближались, что усвоение народом песни на общелитературном языке не представляло особых затруднений. Либо наблюдается отличие по категориям песен: в Нормандии, Шампани, в области Меца и французской части Бретани песни не обрядового, балладного и т. п. характера поются на общепольском языке, тогда как другие, раздающиеся во время празднеств, процессий, — на диалектах; при этом интересно отметить, что древние и наиболее поэтические песни последней категории, например майские, также отличаются общепольским типом языка, тогда как новые и более грубые предпочитают местный говор. В Швабии, Баварии, Фогтланде импровизированные четверостишия, песни на случай, сатирические, принадлежат диалекту; большинство других поются на языке, близком к литературному».

И далее: «На больших исторических дорогах и вообще в благоприятных условиях соседства и взаимных влияний диалекты общались, сближались формы и словарь, получалось нечто среднее, действительно шедшее навстречу литературному языку, когда он сложился в том или другом центре и стал районировать. Общались в тех же условиях и народные областные песни, и я объясняю этим общением подбор и выбор тех мелких стилистических форм и приемов, которые мы предположили самозарождающимися в начале всякой поэзии».²⁸

Это положение А. Н. Веселовского, открывающее широкие и большие перспективы, намечающее пути собирания и исследования, не только не получило развития, точнее, было вульгаризировано, из него собственно было усвоено только одно — положение об образовании народно-поэтического *koivŋ*. Подкрепленное

²⁸ Там же. С. 359—360.

положением об «архаичности» языка традиционных жанров фольклора, с одной стороны, и широкой распространяемостью фольклора, с другой. Оно и обусловило то совершенно нелепое положение, в результате которого язык фольклора выброшен из науки о языке, а к нему обращаются иногда фольклористы, но, не имея достаточной базы, безрезультатно пытаются решать вопросы локализации, миграции и т. п. Примером может служить работа П. С. Богословского об «Усах» из Сб<орника> Кирши Данилова.²⁹

Надо сказать, что и незначительные работы лингвистов о языке фольклора, которые имеются, представляют собой обычно вступительные статьи и перечисления отдельных языковых фактов (В. И. Чернышева, Л. Л. Васильева, А. Лескина, В. П. Брюханова и т. д.). Попытка, сделанная Г. Ф. Нефедовым во вступительной статье к сборнику «Былины Пудожского края»,³⁰ объяснить происхождение былин в связи с предполагаемой им историей современных диалектов, должна быть признана совершенно несостоятельной. <...>

Язык фольклора представляет собой особую область в общей языковой системе, т<ак> к<ак> это, подобно языку письменной художественной литературы, исторически складывавшаяся система, но, в отличие от нее — система, определяемая спецификой жизни устного творчества и жизни и истории диалектов, в области которых складывались, складываются и живут устные произведения.

Отношение языка фольклора к письменному литературному языку было совершенно различно в разные эпохи.

Моя работа над языком записей былин XVII в. дает возможность утверждать, что язык записей XVII в. — это современный язык XVII в. Язык записей XVII в. совершенно иначе относится к литературному языку XVII в., чем язык записей XIX в. к литературному языку XIX в.

Материал, собранный мной в 1937—1939 гг. (Олонецкая губерния — районы записей П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга) в сопоставлении с записями более ранними и фольклора, и диалектов, обнаружил, что на протяжении 50—70 лет в лексическом составе происходят большие и серьезные изменения: непонятному нет места в произведении, и оно выкидывается или заменяется.

Запись А. Д. Григорьева:

²⁹ Богословский П. С. Песня об Усах из Сборника Кирши Данилова и Камская вольница: Опыт анализа и локализации текста / Пермский краеведческий сборник. Пермь, 1928. Вып. 4. С. 1—117.

³⁰ Былины Пудожского края / Подгот. текстов, статья и примеч. Г. Н. Париловой, А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.

«А у шубочки пугофки вольячьиные
Кабы литы во льяк были красного золота.
А выливаны соловьи, птицы садовые».³¹

Запись А. М. Астаховой: «А пугофки... того ле вальяку да красна золота».³²

<...>

Архаизмы реально поддерживаются бытом: потом — воспоминания, потом — исчезновение, [например], «дружинушка хоробрая». «Песни о сыне Разина»: «баско», «шепетно», «люднёхонько», «кафтан», «балахон».

Интересно сопоставление одного произведения по разным районам: Илья на севере и на юге.

Сопоставление фольклорных записей с диалектными данными из тех же районов, сделанных в XIX—XX вв. (В. Мансиккой,³³ Материалы атласа ИЯМа³⁴ и т. д.) обнаруживает, что многие черты языка былин отнюдь не являются архаизмами, характеризующими традиционные жанры фольклора, а это живые черты диалекта, в области которого записаны произведения (имею в виду в данном случае записи П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, которые являются основным материалом, который использовался русскими и западными учеными).

1. Так «краткая» форма прилагательного (см. соответствующий раздел нашего вопросника — здесь не место решать вопрос о соотношении именных и местоименных форм прилагательных в былинах).

2. Безличные обороты: «[Ишша] было у Добрынюшки погрежоно / [Ишша] было у Добрынюшки покурежоно»,³⁵ «У него было побратанось», «Крестами поменялось», «У вас давно с Ленинграду выехано?», «Ой и много у меня по свету пошлялось», «У меня с жонкой разведенось».³⁶ <...>

Наконец, даже такое употребление местоимения как «мня» вместо «меня», обычно определяемое фольклористами как результат сокращения ради ритма, широко распространено

³¹ Цит. по: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. с напевами, записанными посредством фонографа: В 3 т. СПб., 2002—2003. Т. 3. № 312.

³² Астахова А. М. Былины Севера. М.; Л., 1938. Т. 1. № 13.

³³ Мансикка В. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии // Известия Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1912. Т. 17. Кн. 2. С. 86—144.

³⁴ Материалы, собранные в ходе работы над Диалектологическим атласом русского языка.

³⁵ Цит. по: Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым... Т. 2. № 333.

³⁶ Примеры записей, которые вела А. П. Евгеньева во время диалектологических экспедиций.

в Пудожском крае и зафиксировано в наших экспедиционных записях.

Это заставляет нас пересмотреть вопрос об отношении языка фольклора к диалектам, которые являются живой языковой средой бытования фольклора.

Для лингвиста совершенно ясно, что нельзя говорить о том, что «область диалектологии должна быть оставлена в стороне»,³⁷ т<ак> к<ак> она будет характеризовать запись, а не произведение, т<ак> к<ак> то, что является с нашей точки зрения «диалектологией»: лексика, фонетика, морфология, — будучи отделено от произведения, оставит в нем только идеи и образы, систему композиционных приемов, а отнюдь не язык.

Т<аким> о<бразом> ясно, что без тщательного и широкого сопоставления с данными живого диалекта, в области которого живет произведение устного творчества, нельзя судить об особенностях его языка, о степени его диалектной окрашенности. Но это только одна сторона, правда, чрезвычайно важная.

Другая же, не менее важная сторона, но уже для лингвиста, для диалектолога заключается в том, что при нашей системе собирания и изучения диалектного материала, мы имеем только бытовую разговорную речь, т. е. давая характеристику диалекту и его особенностям, мы апеллируем к совершенно иным качественным материалам, чем тот, с которым мы соотносим его, — т. е. письменным литературным языком и его нормами.

Нельзя не вспомнить здесь доклада проф<ессора> А. Б. Шапиро³⁸ на диалектологической конференции в 1939 г.³⁹ о синтаксисе севернорусского наречия. Тогда у проф<ессора> А. Б. Шапиро получалось, что предложение аморфно.

Несомненно, что отношения языка фольклора и диалекта к литературному письменному языку различны в различные исторические эпохи.

Сейчас эти отношения особенно сложны, благодаря широкому распространению культуры, грамотности, благодаря тому, что

³⁷ Фрагмент цитаты из учебника М. Н. Сперанского: «Область диалектологии <...>, разумеется, должна быть оставлена в стороне: она характеризовать будет данную запись, а не произведение» (*Сперанский М. Н. Русская устная словесность*. М., 1917. С. 150).

³⁸ Шапиро Абрам Борисович (1890—1966) — лингвист. Впервые в отечественном языкознании рассмотрел вопрос о синтаксисе народной речи. См.: *Шапиро А. Б. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Структура предложения*. М., 1953.

³⁹ Вероятно, имеется в виду одно из заседаний образованного в 1939 г. Сектора славянских языков Института языка и письменности, где под руководством Д. Н. Ушакова велась активная работа по диалектологии: проводились экспедиции, составлялись карты, библиографии, писались монографии.

роль устного творчества глубоко изменилась не только в широких социальных масштабах, но и для его носителей и ценителей.

Сложность и многообразие связей и отношений отнюдь не могут служить основанием для того, чтобы отказываться от изучения языка фольклора, именно они и объяснят многие явления, сейчас неясные, именно их анализ даст новый богатый языковой материал, которым можно будет уверенно оперировать в нашей науке как в русском языке в его целом, так и в науке о фольклоре.

В 1942—1943 гг. я провела комбинированные фольклорно-диалектологические экспедиции в Яранском районе. Материал, который был собран, чрезвычайно интересен как по диалекту, так и по фольклору. К сожалению, проведены всего две экспедиции, предполагавшаяся в этом году экспедиция не состоялась.

Характеристика Яранского района — позднее заселение, поэтому в группе пунктов они обследовались почти все подряд, во всяком случае, с очень незначительными расстояниями между ними.

Необходимо было собрать как можно больше материала, чтобы отразить, с одной стороны, пестроту и многообразие явлений диалекта, с другой, — общность явлений [устной словесности], чтобы раскрыть причины [возникновения] и условия их [бытования].

Фрагмент из варианта В.

Экспедиции 1936—1940 гг.⁴⁰ — записи фольклора и т. д., предполагавшаяся экспедиция на Печору — язык бытовой, собрать материал живой языковой среды сказителя, в кот<ором> живет произведение.

Прошлогодняя (1942 г. — Я. 3.) экспедиция в Барановский и нынешняя (1943 г. — Я. 3.) в Ломовской [сельсоветы Яранского района Кировской области] строились таким [образом], чтобы охватить возможно полнее языковую деятельность населения. Поэтому мы вели записи, учитывая: 1) возрастные группы и общественное положение (дом<о>хоз<яйки>, передовики с<овхоза>, грамотные и неграмотные [жители]), 2) бытовую диалектологическую речь, монологическую — рассказы о войне, сельском хозяйстве и т. д., 3) фольклор в различных жанрах. Кроме этого, мы собирали материал и этнографического характера, т. е. занимались с характером построек, с костюмами, предметами обихода и т. п.

Собранный материал богат, интересен, разнообразен и в то же время очень сложен и пестр. Естественно, задать рядовой вопрос «почему?» по отношению к самым различным областям: фонетике, морфологии, лексике, синтаксису, фольклору, быту и т. д. Одним из важнейших моментов в решении этих «почему?» является история заселения района, во-первых, а во-вторых,

⁴⁰ Экспедиции по собиранию сведений для Лингвистического атласа, в которых А. П. Евгеньева, помимо диалектного материала, записывала фольклор.

специфический — узко сельскохозяйственный — характер района и его удаленность не только от промышленных центров, но и от путей сообщения.

Наша задача: 1) собрать как можно больше материала из разных населенных пунктов, 2) дать подробное описание говоров нескольких из населенных пунктов, чтобы отразить, с одной стороны, пестроту и многообразие явлений, а с другой — общность явлений, чтобы раскрыть причины и условия их [бытования].

В прошлом году в Барановском [сельсовете] мы обнаружили, что крайне развитым и распространенным жанром фольклора являются свадебные песни, лирические песни, сказки и частушки. Особенно интересным и богатым оказался свадебный обряд.

Поэтому нынче мы тщательно записывали свадебные песни и причеты с тем, чтобы сопоставить их, как и в области говора, с материалами прошлого года.

Считаем, что образцовый фольклор, как наиболее традиционный, должен дать своеобразную картину по сравнению с другими жанрами. Этот доклад и является результатом наблюдений над песнями свадебного обряда.

Несколько слов о наблюдениях и сопоставлениях говоров, обследованных в прошлом и нынешнем году. Останавливаюсь на различиях, а не на совпадениях.⁴¹

Деревня Барышники Барановского сельсовета Яранского района	Деревни Лом и Рыжаково Ломовского сельсовета Яранского района
«ъ» — «и»: «зд'ис'/н'ит»	«ъ» — «е»
«а» — «е»: «опёт'/грэс'/закричела».	«а» — «а».
еканье и јоканье	кроме еканья и јоканья, часто «иканье»
нет мягкости шипящих	есть мягкость шипящих
«щ» — «шш», «жж» — «жж»	«щ» — «ш'ш'», «жж» — «ж'ж'»
цоканье	нет цоканья
глаголы на -ти	[глаголы на -ти —] редко
«смејошша»	«смејоc'с'а»
синтаксис — именительный падеж «Надо земля пешшанаја»	синтаксис — именит<ельный падеж> при [управлении] «Надо земля пешшанаја».

⁴¹ Данный фрагмент представлен в авторском тексте в виде чернового конспекта, для удобства восприятия в данной публикации он дан в виде таблицы.

Иной характер постройки.

Много и общего.

Т<аким> о<образом> прослеживая черты различия, мы можем говорить о различных пришестьцах. Если Барановские, Барышники пришли из Орловского (одного из старых Вятских [поселений]) и имеют связи с более северными группами говоров, то жители Лома, одного из старых поселений, имеют связи с другими группами говоров — с Владимиро-Поволжскими <...>.

Естественно было предположить, что и фольклор может дать значительные различия. Но при тщательном сопоставлении оказалось, что фольклор дает несколько иную картину, чем диалект.

Самый [свадебный] обряд в Лому и Баран<овском сельсовете> совпадает почти во всех деталях, песни же, кот<орые> поются, имеют некоторые различия.

[Песни], сопровождающие свадебный обряд, распадаются на две группы. Первая — песни, являющиеся словесным пояснением отдельных моментов обряда, поэтому они твердо прикреплены к нему, и другая группа — песни величальные, которые поются и в сговор и в свадьбу. Эти песни тематически теснейшим образом связаны со свадебным обрядом, но история их возникновения несколько иная, чем первой группы. Кроме песен в обряде большое место занимают причеты невесты, ее родных, причеты⁴² дружки.

Мы остановимся пока только на песнях той и другой группы.

Большая часть песен свадебного обряда в Лому и Барышниках: «Розан», «Ты сокол», «Не из гор матери», «Олень», «Не павушка», вдовья, рекрутская, «Черна ягода смородина».

Отличия будут следующие:

В Барышниках и Баранове нет:

1. «Крук Казани славные», «Крук Нова города».

2. «Вога славная, да про тебя речь хорошая».

3. Песни парню, когда он поедет жениться.

4. «Из-под лесу конь бежит».

5. «Два дубочка — на горке, на горе».

6. «Межу лесы».

7. «Ой, да как ли мая речка».

8. «Жарко камешку во горе лежать».

9. «Через речку рябинка лежала».

10. На дворе у жениха — «Ой, зелен был, красен был мак во огороде». «Ой зелен был, зелен был виноград на блюде».

В Лому, Загулеве нет, а в Барышниках и Баранове поют:

1. «Не было ветров...».

2. «Во раздольце во чисте поле».

⁴² Приговоры.

3. «Што не реченька, што не быстрая...».

4. «Во саду под яблоней».

5. «Бабья старость».

6. «Олександрюшка Сергеевна ко морю пришла».

Варианты различные. Барышники: «Вьюн на реке извивается, гусь на плоте умывается», «Речка вьюн увивается...». Лом, Загуляево: «Волга-река разливается».

Есть еще некоторые детали, отличающие другие песни, но они не так значительны и относятся к числу тех, которые обусловлены неизбежной утратой и изменениями.

Разница в песенном репертуаре и в вариантах в общих чертах подтверждают данные диалекта, т<ак> к<ак> в Ломоском с<ельсовете> поют песни, которые характерны для Поволжских селений: 1. «Волга... да про тебя речь хорошая», 2. «Волга река разливается».

«Крук Казани» известна еще только в Пермской г<убернии>. Это общие черты, т<ак> к<ак> перечисленные песни поются на чрезвычайно широкой территории.

Чтобы проследить связи и установить некоторые закономерности, я провела тщательную проверку записанных нами песен свадебного обряда по всем имеющимся в Яранске материалам: по собранию П. В. Киреевского,⁴³ П. В. Шейна,⁴⁴ бр<атьев> Соколовых.⁴⁵ Т<аким> о<бразом> общие основные собрания просмотрены, просмотрены и некоторые частные, т<ак> к<ак> представляющие собой записи одного обряда или отдельные части его. В. А. Тонков «Свадебный обряд г. Мезени»,⁴⁶ Д. К. Зеленин «Свадебные приговоры Вятск<ой губернии>»,⁴⁷ А. В. Васнецов.⁴⁸

По памяти, поэтому без четкости записи с севера. Наблюдения и изучение географии свадебных песен открывают иную картину, чем наблюдение диалектных особенностей <...>. Безусловно, будут и есть совпадения, но имеются и глубокие расхождения. Так, совершенно ясно, что свадебный обряд и его песенный и предметный репертуар «олонецкий» (условно сюда [относятся] часть Воло<годской> и б<ывшей> Новгор<одской> г<уберний>)

⁴³ Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874. Ч. 1—3. Вып. 1—10.

⁴⁴ Великоорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898—1900.

⁴⁵ Сказки и песни Белозерского края / Записали Б. и Ю. Соколовы. М., 1915.

⁴⁶ Тонков В. А. Свадебные песни и обряды г. Мезени. Казань, 1931.

⁴⁷ Зеленин Д. К. Свадебные приговоры Вятской губернии / Записал и снабдил коммент. Д. К. Зеленин. Вятка, 1904.

⁴⁸ Песни северо-восточной России : Песни, величания и причеты / Записаны Александром Васнецовым в Вятской губ. М., 1894.

резко отличается от Вятского, Волжского, Московского и т. д. Вятский гораздо больше общего имеет с Тульским, Ряз<анским>, Московским, Тамбовским, Нижегородским, чем с Олонецким. Арханг<ельский>, Мезенский, Печорский представляют собой интереснейшее явление контаминации линий Олонецкой и Вятско-среднерусской. Причет невесты и ее родных — основа свадебного обряда Олонецкой г<убернии> — построенный на описании деталей конкретной крестьянской жизни, резко отличен.

Т<аким> о<бразом> в фольклоре свадебного обряда имеются сложные линии, которые выражаются в нескольких основных типах самого обряда и фольклора, в различном репертуаре, в различной разработке отдельных вариантов.

Все эти особенности будут иметь различные объяснения: древнейшая основа, история заселения, культурные центры и их влияния и культурные связи, местные бытовые и пр<очие> условия.

Фольклор свадебного обряда и его география влечет за собой и следующий вопрос: соотношение и география других фольклорных жанров. Почему, например, в Яранском районе и почти во всех районах Кировской области отсутствуют записи былин и исторических песен. Здесь м<ожет> б<ыть> и отсутствие тщательного собирания фольклора в наиболее древних местах заселения Кир<овской> области. Здесь районы позднего заселения. Сказка, ее тематика, жанр.⁴⁹

Т<аким> о<бразом> нам представляется совершенно необходимым не только для решения вопроса о языке фольклора, но для правильной постановки его, собирание фольклора по определенной системе в теснейшей связи с диалектологией — это даст материал для решения вопроса об отношении языка фольклора и диалекта, но это еще не все для решения этого вопроса, фольклор должен быть прослежен и по жанрам и по отдельным произведениям и их вариантам. Тогда выяснится соотношение языка фольклора в отдельных жанрах, выяснится и жизнь, и распространение тех или иных жанров, произведений, будут вскрыты и основания, причины такого их распределения.

Только такое собирание и изучение даст возможность решать вопрос о том, что такое язык фольклора и народно-поэтическое *κοινή* — А. Н. Веселовский (м<ожет> б<ыть>, его выводы были справедливы только по отношению к Зап<адной> Европе), и ка-

⁴⁹ Во время экспедиции в деревни Барановского сельсовета А. П. Евгеньева обнаружила активно бытующую там сказочную традицию, которую не смог зафиксировать Д. К. Зеленин, побывавший в Яранском районе в 1901 г. Подробнее см.: *Зверева Я. В.* Фольклорное собрание А. П. Евгеньевой // *Русский фольклор* : Материалы и исследования. СПб., 2011. Т. 34. С. 418—446.

ковы отношения языка устного поэтического творчества и языка литературного.

Для нас одновременно с вопро<осником> ИЯМа [важно] собирание фолькл<орных> мат<ериалов>. Былина, жанры, внутри жанров темы, варианты, причем необходимо делать записи от нескольких лиц, чтобы вариabельность, ее зависимость от индивид<уальных>, или социальных, или территориальных причин была ясной. <...>

Этот фольклорный вопросник необходим для лингвиста, историка языка, т. к. он откроет культурные связи, откроет многое в области лексики — «свечушки», «сандалики», «каличка мелкотравчатая», «букетовая ленточка» и т. д.

Запись вместе с диалект<ным> мат<ериалом> даст возможность решить кардинальнейшие вопросы: есть ли *koivŷ* или второй литературный язык, только устный, а не письменный. Каково отношение языка фольклора к диалекту с одной стороны, с лит<ературным> яз<ыком> с другой.

Можно ли говорить о едином языке фольклора, или его жанры будут иметь различное отношение к лит<ературному> яз<ыку> и диалекту? <...> Переработка в народе произвед<ений> поэтов.

О диалекте — различать различные пласты, фольклор — земледельч<еский>, лексика свадебн<ого> обряда>.

Вопросник — явления, имеющие широкое распространение. Количество вопросов: конкретно-лингвистич<еские>: фонетич<еские>, синтаксич<еские>. Два раздела — подобно тому, как разделена лексика и 3 [раздел]: приведите, что не вошло. Что именно поют, есть ли это или иное. Вопросы: 1. По жанрам, 2. По отд<ельным> произвед<ениям>, 3. По вариантам — основание — [сборники] Шейн<а>, Киреевск<ого>.

Наддиалект⁵⁰ или народно-поэтическое *koivŷ*?

Мое сообщение вызвано двумя причинами. В прошлогоднем докладе А. В. [Десницкая]⁵¹ характеризовала язык албанских устных поэтических произведений как язык наддиалектный, распро-

⁵⁰ Наддиалект, наддиалектная форма существования языка — языковое образование, которое носители разных диалектов (или разных форм существования языка) используют при междиалектном общении. На ранних стадиях истории языка такой наддиалектной формой общения может быть койне, позже — литературный язык.

⁵¹ Вероятно, речь идет о докладе А. В. Десницкой. См.: Десницкая А. В. 1) Язык устной народной поэзии как проблема социальной диалектологии // Проблемы языкознания : Доклады советских ученых на X Международном конгрессе лингвистов. Москва, 1967. С. 111—115; 2) Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970.

странья свои наблюдения на фольклор других народов. У меня эта характеристика вызвала глубокие сомнения, так как по отношению к русскому фольклору [она] не отвечает действительности. Язык русской устной поэзии нельзя назвать наддиалектным. История устного и письменного языка у разных народов различна, не берусь поэтому судить о языке фольклора других народов, но думаю, что для характеристики необходимо учитывать специфику жанра, время [возникновения], историч<еские> условия. Возражения, сделанные мне А. В. [Десницкой] по поводу моей позиции, изложенной в «Очерках [по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв.]»,⁵² мне представляются не совсем отвечающими реальному положению в той части, где А. В. [Десницкая] интерпретирует мою позицию.⁵³

Поэтому мне бы хотелось еще раз вернуться к вопросу о [диалектной] природе языка русского фольклора. <...>

Вероятно, здесь есть и моя доля вины, [которая] заключается в излишнем акцентировании характера отношений между диалектом и языком устной поэзии. Я пересмотрела то, что было мной написано.

Диалектный язык — язык в его бесписьменных формах в любом пункте территориального распространения на всей территории данного языка. При этом для диалектологии основное значение имеет стилистически нейтральная форма диалектного языка: только на фоне последней, с диалектологическими целями могут изучаться стилистически окрашенные его формы (например, произведения фольклора: песни, былины, сказки) (Рус<ская> диал<ектология>).⁵⁴

1. Общерусские черты: те элементы структуры, кот<орые> в равной степени свойственны всем разновидностям языка.

2. Общерусские черты устного языка (свойственные всем).

3. Черты просторечно-диалектного языка: те элементы, которые объединяют диал<ектный> яз<ык> на данной территории с нар<одно>-разговорн<ым> языком той же территории, отсутствуя в лит<ературном> письм<енном> и устн<ом> языке.

Народно-разговорная речь, полудиалект — практически язык коренных жителей городов той же территории.

Следовательно: язык — это лит<ературный> язык и диалектн<ый> язык, и между ними: народно-разговорный язык, полудиалект, просторечие.

⁵² *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.; Л., 1963.

⁵³ См. пересказ концепции А. П. Евгеньевой: *Десницкая А. В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языка. Л., 1970. С. 38—41.

⁵⁴ Введение // *Русская диалектология* / Под ред. Р. И. Аванесова, В. Г. Орловой. М., 1964. С. 10.

А. В. [Десницкая], говоря о наддиалекте, рассматривала и его развитие, связывая наддиалект с языком древнего обряда. Где же место языка фольклора? Наддиалект! Особый язык! Что же такое наддиалект? Причем по отношению к диалектам в целом, поскольку устные произведения живут на всей территории русского языка?

Это должна быть «система» фонетических, морфологических, словообразовательных, синтаксических и лексических [единиц]. Одна такая наддиалектная «система» есть. Это литературный язык в своей письменной и устной форме (внеэтнический и всеобъемлющий). В качестве «наддиалекта» и рассматривал лит<ературный> язык Л. В. Щерба (последняя конференция 1944 г.).⁵⁵

А. А. Шахматов, излагая свою теорию сложения соврем<енного> рус<ского> лит<ературного> языка, рассматривал [его] в ряду с системными говорами. Излагая свою концепцию образования лит<ературного> нац<ионального> яз<ыка>, он писал: «Создается так называемая *κοινή*, язык, обнимающий сначала ограниченную территорию большого города, но распространяющийся с течением времени на широкое пространство области и даже государства по мере роста культурного и политического влияния этого центра». ⁵⁶ Далее — «в настоящее время наш литературный язык должно признать одним из великорусских наречий (московским наречием), обнаруживающим в своем составе, во-первых, свою первоначальную природу (церковнославянизмы), во-вторых, свои древнейшие судьбы на Руси (южноруссизмы, украинизмы)». ⁵⁷ Это характеристика языка XIX—XX вв.

Если говорить о диалекте (кроме литературного языка), надо характеризовать его прежде всего в тех чертах, которые составляют его систему, и установить этапы его создания. Можно предположить, что в других языках, приближающихся к «наддиалекту» может быть устное *κοινή*, пока нет письменного языка, что сомнительно. Это м<ожет> б<ыть> только у небольшого по численности народа, занимающего незначительную территорию, находящегося в тесном общении [с другими народностями].

Пока ни в фольклористике, ни в языковедении нет работ, которые бы обнаружили и описали «наддиалектную» систему устных произведений какого-либо народа.

Когда исследователи обращаются к языку устных произведений в собственном и узком [смысле], нельзя считать..., что [они]

⁵⁵ См.: *Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 113—129.

⁵⁶ *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 64—65.

⁵⁷ Там же. С. 70.

обнаруживают или диалект, или литературный (а также приближающийся к литературному) язык. Причем здесь приходится принимать во внимание эпоху и исторические условия, а также жанры устных произведений. [Почти все] исследования [языка фольклора] относятся к XIX в. Ученые XIX в., наблюдая фольклор европейских стран, указывают на Я. Гримма, Т. А. Гофмана, И. П. Гебеля, А. Гауфена. <...>

П. Г. Богатырев⁵⁸ считает необходимым учитывать то обстоятельство, что у отдельных народов и в отдельных местностях язык песни сильно отличается от диалекта в его коммуникативной функции, а у других — чрезвычайно близок к диалекту. <...> Остановившаяся на славянской песне (украинской, словацкой, русской, чешской, болгарской), которая близка диалекту, П. Г. Богатырев указывает на то, что в 90-е гг. XIX в. И. Гошек, изучая диалект и язык песен в деревнях Витойовес и Рогозна, пришел к выводу, что в песнях этих деревень много фонетических черт, которые являются принадлежностью литературного языка, а не местного диалекта.⁵⁹ Т. е. та же картина, что и в странах Зап<адной>Европы. Ян Оравец,⁶⁰ собиравший материал уже в наше время в словацком селе Розбеги, пишет о «стирании» и «устранении» диалектных фонетических черт.

Эти наблюдения, фиксирующие отдельные «отступления» от системы говора или сближение говора с литературным языком, не дают оснований говорить о языке устных произведений как о особом наддиалекте, сложившемся и выработавшемся исторически. С одной стороны, это переход от системы говора к системе лит<ературного> яз<ыка> в XIX—XX вв. С другой стороны, [такие] фонетические особенности, как появление «j», изменение гласного при «растяжках» или вставки гласных, связаны...⁶¹

Эти наблюдения, относящиеся к определенным жарам лиро-эпич<еских> песен (в отличие от сказок, обрядового фольклора), [сложившихся] в определенную историческую эпоху (XIX—XX вв.), — фиксируют движение, развитие песенного фольклора и его языка в определенном направлении — приближение к литературному языку, что, несомненно, связано и с новым этапом как в развитии самой песни, так и отношениях языка лит<ературного> и диалектного.

⁵⁸ *Богатырев П. Г.* Язык славянских народных песен в его отношении к диалектной речи // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 75—86.

⁵⁹ *Hosek I.* O pomeru jazyka pisni narodnich k mistni'mu nafeci. Praha, 1897.

⁶⁰ *Oravec J.* Rec l'udových piesni a narečova norma // Jazykovedné studie 2. Bratislava, 1957. S. 74—85.

⁶¹ Здесь авторский текст обрывается.

Кроме этих наблюдений, в лит<ерату>ре имеются и другие. П. Г. Богатырев останавливается на тех фонетических особенностях в песенном языке, которые ничем не связаны с диалектом, а обусловлены или характером песенного исполнения, напр<имер> изменение гласных при пении, появление дополнительных гласных в слове, появление «j» перед начальным гласным в слове («Юж ты, веснушка, весна, јесень, ёна» и т. д.). На появление «j» в начале и перед гласным слова в песнях указывали Н. Н. Дурново,⁶² И. К. Зайцева,⁶³ Л. Андрейчин⁶⁴ — в болгарских, И. Гошек — в чешских⁶⁵ и т. д.

Подобные явления, как оказалось, характерны для различных языков, а некоторые из них не только для народной песни, но и для исполнения артистов-певцов (изменение растянутого звука).

Однако и приведенные им (П. Г. Богатыревым. — Я. 3.) данные, материал, собранный исследователями не дают никаких оснований говорить о том, что мы имеем дело с наддиалектом.

«Кирша Данилов...» и Песенники XVIII в. «снимают» диалектную окраску, приспособлены для дворянского употребления.

Нельзя не заметить попутно, что Р. О. Якобсон в статье «О соотношении между песенной и разговорной народной речью»⁶⁶ высказывает совершенно ошибочное суждение:⁶⁷ «Степень сходства между песенным языком и окружающим говором существенно меняется в зависимости от художественного жанра. Если в русской народной лирике отступления от локальных речевых норм, по справедливому указанию П. Г. Богатырева, относительно невелики, то между языком былевого эпоса и обиходной речью его исполнителей разница несравненно значительней. Несмотря на тесную и многообразную связь между говором сказителя и языком его «старин», в их лексике, фразеологии и грамматическом составе обнаруживается немало особенностей, чуждых не только данному диалекту, но нередко всей совокупности современных русских наречий <...> П. Г. Богатырев прав в том, что нафос

⁶² Дурново Н. Н. Заметка о говоре Шацкого уезда Тамбовской губернии // Известия Отд-ния рус. яз. и словесности АН. 1900. Т. 5. Кн. 3. С. 921—955.

⁶³ Зайцева И. К. Некоторые фонетические особенности языка русской народной песни // Филологический сборник: Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1961. Вып. 63. С. 147.

⁶⁴ Андрейчин Л. Основни черти в езика и стила на народната песен // Българско народно творчество. София, 1950.

⁶⁵ См.: Hosek I. O pomeru jazyka pisni narodnich k mistni'mu nafeci...

⁶⁶ Якобсон Р. О. О соотношении между песенной и разговорной народной речью // Вопросы языкознания. 1962. № 3. С. 87—91.

⁶⁷ В данной работе анализу этой статьи уделяется особое внимание, поскольку А. В. Десницкая в своей монографии противопоставила позицию А. П. Евгеньевой мнению Р. О. Якобсона.

*самоотождествления исполнителя лирической песни с ее героем ищет приближения песенного сказа к говору певца, тогда как вера в отдаленную, стародавнюю древность былинного действия требует не только особой, условной поступи действующих лиц, но и особого архаичного отпечатка на речитативной речи сказителя, нарочито отмежеванной от его повседневного говора. Существенно способствует слиянию языка лирической песни с говором среды массовость исполнения народной лирики, тогда как избранность сказителей былевого эпоса благоприятствует сохранению языковой специфики старин».*⁶⁸ <...>

Казалось, можно бы усмотреть некоторую поддержку теории «наддиалектного» характера языка фольклора в [этой] статье Р. О. Якобсона. Но дело в том, что статья эта представляет собой рассуждения на основе очень разных и отдельных наблюдений и мнений, и иногда из «вторых рук», без *малейшего* учета самого материала, конкретных исторических условий, обстоятельств и т. д. Вся статья построена на каких-то неточных, смещенных истолкованиях.

Сначала [лирическая] *песня*. Это утверждение не только ошибочно, а противоположно реальному положению вещей. Речь идет о текстах, записанных в основном в XIX—XX вв. и в незначительной части в XVIII в. Отношение языка русской былины, с одной стороны, и с другой — лирической песни к диалекту и к литературному языку, прямо противоположно тому, что утверждает проф<ессор> Р. О. Якобсон. В XIX в. именно язык былины теснее, глубже связан с диалектом, а *песня* содержит много элементов литературного языка, для этого достаточно открыть любое из собраний песен, записанных в XIX в.

Былина в XIX в. живет полной жизнью на Севере, в Сибири — в меньшей степени, а *песня* представляет неотъемлемую часть быта самых различных социальных слоев (с XVII в.): канты, песенники, собрания песен, уже в XVIII в. более 10 печатных песенников, в XIX [в.] — более 200. Писатели. Помещичий быт: певцы-крепостные, новый жанр в лирич<еской> поэзии «Русская *песня*», песни и романсы.

Лирическая *песня* «дальше» от диалектных форм по двум причинам: <...> [положение П. Г. Богатырева] не совсем верно, действит<ельно>, в лирич<еской> *песне* [есть] стремление выразить наиболее современными формами, а «соврем<енность>» часто ближе к литерат<урной> речи. На язык лирич<еской> *песни* с XVIII в. огромное влияние оказывает междиалектное и литературное общение, оно особенно возрастает в XIX в. с массовым распространением песенников!

⁶⁸ Там же. С. 88—89. Здесь и далее подчеркивания А. П. Евгеньевой заменены курсивом.

Совершенно другое положение с былинами. Диалектные особенности текстов былин настолько отчетливы, что с самого начала об этом стоит вопрос и дается объяснение: былина «опустилась» в крестьянскую среду и «обнародела». <...>

Отношение к языку былины, его оценка с позиций литературного языка.

1. Диалектологи (Л. Л. Васильев, В. И. Чернышев, А. Ф. Гильфердинг, П. Н. Рыбников) описывают диалектные явления.

2. Фольклористы, историки литературы видят в языке былины: а) архаизмы, б) формы, образованные по аналогии с ними, в) черты народной (нелитературной) речи, реже черты местные, но органически сросшиеся с былинным стихом, г) или же такие, которые объясняются исключительно потребностями ритмического строя музыкально-стихотворной строки. <...>

Работы советских исследователей об отношении языка устных произведений к диалекту, в области которого записано то или иное произведение, главным образом, молоды. [Работы ученых], проводивших тщательный скрупулезный анализ по сопоставлению языковой «системы» былин с «системой» диалекта, языковой «системы» лирической песни с «системой диалекта», показали со всей очевидностью, что «системы» устных произведений и диалекта *совпадают*. Те отступления, которые обнаруживали исследователи в текстах устных произведений, обусловлены функциональными особенностями и спецификой жизни устного произведения (миграций).

В работе последних двух десятилетий неоднократно ставился вопрос об отношении языка устных произведений к диалекту, в области которого записаны те или иные произведения (это былины и песни). О. И. Богословская («Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи»),⁶⁹ тщательно проверившая и сопоставившая отношение языка былин, записанных от четырех поколений Рябининых, — с 1871 по 1940-е гг. с кижским, заонежским диалектом. Система языка былины (в рамках именного склонения) — это в основном система того диалекта, в области которого живет произведение. <...> И. К. Зайцева «Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта».⁷⁰ <...>

Я, авторы «Русской диалектологии» считают фольклор «стилистически окрашенной формой диалектного языка». Для диалектологии основное значение имеет стилистически нейтральная

⁶⁹ Богословская О. И. Соотношение народно-поэтической и народно-разговорной речи : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1965.

⁷⁰ Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1965.

форма диалектного языка: только на фоне последней с диалектологическими целями могут изучаться стилистически окрашенные его формы (например, произведения фольклора: песни, былины, сказки). Следовательно, тезис о диалектной системе остается в силе.

Что же делает «единым» язык устной поэзии, язык устных произведений на всей территории русского языка, если они «живут» в «диалектной форме»? Это устно-поэтическое или народно-поэтическое *koivŋ*. Что это такое? Как оно может проявляться и существовать в разных диалектах? Сам термин и вопрос о содержании его далеко не нов. <...>

А. Н. Веселовский выдвигает на *первое место* образование *koivŋ*, которое ему представляется идущим с начала пути образования «общих» языковых форм, а далее — художественных.

Нельзя забывать, что междиалектное общение восточных славян в эпоху сложения *сначала* Киевского, потом Московского государства не затруднялось различиями в диалекте, устные поэтические произведения свободно переходили из одной области в другую. Общерусские элементы были чрезвычайно глубокими и широкими — поэтому сложение устно-поэтического *koivŋ* не было ничем затруднено. Собственно, поэтика. Что же следует понимать под устно-поэтическим *koivŋ*? «Система» *изобразительных* средств: параллелизм, сравнения, эпитет (зеленеть — молодеть, битва — молотьба, веянье, пир), и что гораздо важнее: «систему» *выразительных средств*, опирающихся на собственно языковую систему, использующую *те* возможности, которые заложены в языке, наличествуют в нем иногда в потенции, а будучи использованы определенным образом, становятся «приемом».

В «Очерках...» я, как мне кажется, показала пути сложения и функцию таких «приемов», как тавтологические сочетания разного типа (дождь дождит, мосты мостить, год годовать и т. д. и т. п.).

Я о чем вам буду говорить:
Уж не годик мне годовати,
Не неделюшку неделывать,
Не ночку ночевати,
Один часик часовати.

(Шейн, 1376)⁷¹

Синонимы: «бой-драка великая».

Соединение:

Не ровня со мной ровняется,
Не верста со мной верстается,

⁷¹ [Шейн П. В.] Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: Материалы, собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. СПб., 1898—1900. Т. 1.

Молодым я малодешенька
И глупым-то я глупешенька,
Зеленым я зеленешенька.

(Шейн, 1357)⁷²

В последнее время все чаще появляются работы, посвященные синтаксическим и лексическим особенностям языка песен, их художественным средствам. Назову некоторые: Е. Б. Артеменко «Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне»,⁷³ А. Т. Хроленко «Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном поэтическом фольклоре»,⁷⁴ В. И. Еремина «Иносказания народной лирики»,⁷⁵ более слабая работа Н. М. Горшковой... о простом предложении в причитаниях.⁷⁶ Работа, касающаяся собственно изобразительных средств и истории их развития (В. И. Еремина «Иносказания народной лирики. От метафоры к символу»).

Употребление семантико-стилистических функций однокоренных сочетаний, различные виды использования синонимов, повторение предлогов, экспрессивная функция суффиксов, употребление кратких и полных прилагательных, паратактические конструкции — это не выразительные средства, которые характеризуют язык устных произведений. Паратактические конструкции — «тур-золотые рога», «сапоги-зелен сафьян», «ведром-водою», «чару зелена вина», как и многие другие синтаксические явления, в языке устной поэзии рассматриваются обычно как остатки более древней структуры, сохранившейся в песне.

Однако эти конструкции сохраняются в песнях отнюдь не в качестве древнего обломка, удержанного ритмом, рифмой и т. д. Исследование А. Т. Хроленко⁷⁷ раскрывает семантико-стили-

⁷² Там же.

⁷³ Артеменко Е. Б. Синтаксические функции полных и кратких прилагательных в русской народной лирической песне : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1958.

⁷⁴ Хроленко А. Т. Паратактические конструкции в русской народной лирической песне и проблема их продуктивности в современном поэтическом фольклоре : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1968.

⁷⁵ Еремина В. И. Иносказания народной лирики: От метафоры к символу : Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.

⁷⁶ Горшкова Н. М. Синтаксис простого предложения в языке русского фольклора (на материале причитаний И. А. Федосовой, собранных Е. В. Барсовым) : Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1967.

⁷⁷ Хроленко А. Т. 1) К вопросу об использовании паратактических конструкций в русской народной лирической песне // Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1968. Т. 81. С. 42—54; 2) Один из типов паратактических конструкций в русской народной лирической песне //

ческую функцию паратактической конструкции, ее подлинно «конструктивный» характер в композиционных приемах песни. <...>

Комплекс выразительных собственно языковых средств, сложившихся и выработанных в устной поэзии на основе общерусских черт, свойственных всем сторонам языка, не противостоит диалекту, а реализуется в нем в тех формах, которые составляют его органические черты.

Общность жизненных условий русских определила близость образов, представлений, отражаемых в народных произведениях, а поэтому и легкость их усвоения, закрепления при миграции из одной области в другую. Надо заметить, что не только «модель», сущность того или иного средства, приема, но часто и самая «реализация» их, отдельные обороты, целые стихи, удачно найденные, различные *loci communes* становятся «строительным» материалом при создании новых поэтических произведений на разных территориях русских говоров.

Выразительные средства языка, разработанные творцами и носителями устной поэзии, в теснейшей связи с собственно изобразительными и жанровыми, и композиционными, используемыми в устной поэзии, и составляют то народно-поэтическое *koivŋ*, которое не только объединяет, охватывает русское народное творчество, но является его основой и выражает национальное своеобразие русской устной поэзии.

Общность жизненных условий определила общность образов, легкое их усвоение при передаче. *Как и в диалектном языке, различные при всей общности приемов, опирающихся на общерусские основы, есть и другие, такие, которые различаются территориально.* Надо заметить при этом, что не только «модель» того или иного приема, но очень часто и целые строки, удачно найденные, поддерживаемые ритмико-музыкальной структурой, переходят из одной области в другую. <...>

Поэтические и прозаические жанры, записанные в разных областях распространения русского языка, оказываются различными и по своей судьбе, и по своему характеру.

Былина северная, сказыв<ается>, а южная поется. Естественно, здесь общие черты получают различное выражение. Даже в таком жанре, как бытовые песни (исп<ользуя> терм<ин> Н. П. Колпаковой), которые распространены по всей территории, имеются свои отличия. Но бытов<ые> песни, которые с XIX в. стали наиболее прогресс<ивными> (связь с лит<ературным> яз<ыком>), наиболее отвечающими жизни, свидетельствуют о

Известия Воронежского гос. пед. ин-та. Воронеж, 1968. Т. 81. С. 55—64;
3) Архаическое ли явление паратактические конструкции // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1973. С. 38—46.

вариабельности их, при этом раскрывают сущность народно-поэтического *koivŋ*.

Реализуясь в формах, которые составляют «систему» диалекта, народно-поэтическое *koivŋ* организует и представляет фольклорно-диалектную речь, имеющую стилистически приподнятый, литературный характер. Это дает основание считать народно-поэтическую речь одной из функционально-стилевых разновидностей диалектной речи. От обиходно-бытовой речи говора народно-поэтическая (т. е. фольклорно-диалектная) отличается чертами, которые обусловлены жанром того или иного произведения, большей устойчивостью и наличием старых черт говора, а также наличием инодиалектных, а также литературных элементов, которые приходят вместе с произведением. Таково отношение диалектологов (В. Г. Орлова,⁷⁸ И. А. Оссовецкий,⁷⁹ Т. Г. Строганова,⁸⁰ Л. И. Баранникова).⁸¹

Выразительные, стилистические средства художественной литературы шире, разнообразнее, индивидуальнее, их «системы» сменяются со сменой школ, направлений, гораздо устойчивее и определеннее совокупность выразительных средств, разработанных и разрабатываемых в устной поэзии. Вполне реально изучение этих систем, сопоставление их на разных исторических этапах, взаимопроникновение и взаимодействие.

Это фольклорно-диалектная речь, имеющая стилистически приподнятый «литературный» характер. Но это не наддиалект. «Народно-поэтическое *koivŋ*» мне кажется более точным и верным названием фольклорно-диалектной речи.

Надо сказать также, что при этой общности народно-поэтического *koivŋ* существует также и территориальное разграничение по жанрам устных произведений, по составу (тематически) тех или иных общих всем территориям жанров (ср., напр<имер>, даже сугубо современные частушки, страдания и т. д.), по разработанности и употребительности тех или иных выразительных средств, и т. д. Например, былина северная и южная [имеют]

⁷⁸ Орлова В. Г., Сологуб А. И. Изучение диалектной лексики при подготовке областных (региональных) словарей русского языка // Лексикографический сборник. М., 1957. Вып. 2.

⁷⁹ Оссовецкий И. А. 1) Об изучении языка русского фольклора // Вопросы языкознания. 1952. № 3; 2) О языке русского традиционного фольклора; 3) Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958 и др.

⁸⁰ Орлова В. Г., Строганова Т. Г. Народные говоры: Фонетика // Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование / Под ред. М. В. Панова. М., 1968. [Т. 4] : Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры.

⁸¹ Баранникова Л. И. К вопросу о развитии функционально-стилевого многообразия языка // Вопросы стилистики. Саратов, 1973 и др. Вып. 6.

разный характер: поется — сказывается, повторение предлогов, причитания.

Обследование и изучение языка и поэтики фольклора еще только разворачивается, это одна из важных тем. Когда будет по-настоящему в комплексе с изучением диалектного языка как той или иной системы, изучаться язык художественных произведений устного творчества, мы получим решение вопроса о зависимости, об отношениях диалекта и языка устных произведений, литературного языка и языка устной поэзии, о различных видах этих отношений на разных исторических этапах.

А пока мы можем говорить о том, что поддается рассмотрению в настоящий момент, в настоящем своем виде. И с русской устной поэзией дело обстоит так, как я показала это сегодня.